

Михаил Петрович Арцыбашев

Жена

Михаил Арцыбашев

Жена

«Public Domain»

1905

Арцыбашев М. П.

Жена / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1905

«Моя жена была высокая, красивая и стройная женщина. До свадьбы она постоянно ходила в малороссийском костюме, жила на даче в старом деревянном доме, окруженном густым вишневым садом, пела хохлацкие красивые и грустные песни и любила путать в черные волосы самые простые, красные и желтые цветы. За садом той дачи, где жила она с братом и его семьей, проходила железная дорога с высокой, странно ровной насыпью, внизу поросшей репейником, а сверху засыпанной ровным песком, белевшим в лунном свете, как голубой мел...»

© Арцыбашев М. П., 1905

© Public Domain, 1905

Содержание

I	5
II	7
III	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Михаил Петрович Арцыбашев

Жена

I

Моя жена была высокая, красивая и стройная женщина. До свадьбы она постоянно ходила в малороссийском костюме, жила на даче в старом деревянном доме, окруженном густым вишневым садом, пела хохлацкие красивые и грустные песни и любила путать в черные волосы самые простые, красные и желтые цветы.

За садом той дачи, где жила она с братом и его семьей, проходила железная дорога с высокой, странно ровной насыпью, внизу поросшей репейником, а сверху засыпанной ровным песком, белевшим в лунном свете, как голубой мел.

Брат ее, большой желчный и лысый человек с низким животом, в желтой парусиновой паре, всегда потной под мышками, не любил меня, и на их даче я никогда не бывал. Она выходила ко мне на свидания через вишневый сад, по насыпи, в тоненькую и белую березовую рощицу. Еще издали была видна ее высокая и гибкая фигура и мягким силуэтом вырезывалась в бесконечно широком и глубоком небе, усеянном золотыми, голубыми и красными звездочками и далеко облитом ровным холодным светом луны.

За насыпью была густая, черная и жуткая тень, в которой неподвижно и чутко стояли тоненькие стволы березок и молчаливо тянулась от земли высокая влажная трава. В этой роще я ждал ее, и мне было жутко и весело в прозрачной голубой тени. Когда в небе, высоко надо мною, вырисовывался знакомый силуэт, я карабкался навстречу, скользя по мокрой траве, подавал ей руку, и мы оба, точно падая, стремительно сбегали вниз, с силой разгоняя густой воздух, развевавший волосы и шумевший в ушах, влетали в сумрак и тишину рощи и вдруг сразу замирали, по колена в траве, сильно и смущенно прижимаясь всем телом друг к другу.

Мы почти не говорили, и нам не хотелось говорить. Было тихо, пахло странным, таинственно непонятым ароматом, от которого кружилась голова, и все исчезало из глаз и сознания, кроме жгучего и тревожного наслаждения. Сквозь тонкую, сухую материю я чувствовал, как чуть-чуть дрожало и томилось, наслаждаясь, молодое, сильное, упругое и нежное тело, как подавалась и ускользала из моих влажных пальцев круглая и мягкая грудь. Близко-близко от своего лица я видел в темноте полузакрытые, как будто ничего не говорящие, слабо и таинственно поблескивающие из-под ресниц глаза. Трава была мокрая и брызгала холодной, приятной росой на голое тело, странно теплевшее в прохладном и влажном воздухе. Как будто на всю рощу разносились торжествующие удары наших сердец, но нам казалось, что во всем необъятно громадном мире нет никого, кроме нас, и никто не может прийти помешать нам среди этих сдвинувшихся березок, ночных теней, влажной травы и одуряющего запаха сырого, глубокого леса. Время шло где-то вне, и все было наполнено одним жгучим, неизъяснимо прекрасным, могучим и смелым наслаждением жизнью.

Потом, когда небо начинало светлеть и тьма под березками становилась прозрачной и бледной, луна молчаливо и тихо выходила над насыпью, и ее бледный таинственный свет кое-где трогал тьму, пестрил бледными пятнами стволы тоненьких березок и вытягивал их спутанные тени по мокрой траве. По насыпи, черной как уголь, мгновенно закрывая луну и застилая рощу, насыпь и звезды клочьями разорванного, цепкого дыма, пронесился длинный черный поезд. Земля дрожала и гудела, скрежетало и лязгало что-то металлически жесткое и твердое, а внизу, в тихой роще, слабо и пугливо вздрагивали тоненькие веточки березок.

Когда поезд затихал вдали и дым тихо таял в предрассветной мгле, я помогал ей подняться на насыпь, сам через силу держась на сильно ослабевших ногах. На самый верх она

поднималась одна, а я стоял шагом ниже и смотрел на нее снизу вверх, слыша возле самого лица шорох и запах измятых юбок. Она улыбалась стыдливо и торжествующе, мы говорили что-то шепотом, и она уходила по насыпи, облитая бледным светом низко стоящей луны и еще слабого рассвета, а мне долго еще казалось, что все вокруг шепчет ее голосом и пахнет ее тревожным и остро-сладострастным запахом.

Я долго смотрел ей вслед, а потом уходил по насыпи, широко шагая сильными ногами, глубоко и легко дыша и улыбаясь навстречу рассвету.

Внутри меня все пело и тянулось куда-то с неодолимой живой силой. Мне хотелось взмахнуть руками, закричать, ударить всей грудью о землю и казалось странным и смешным уступать дорогу встречным поездам с их мертвыми огненными глазами, грохотом и свистом.

Рассвет разгорался передо мною радостной волной, охватывавшей все небо, а внутри меня было могучее, умиленное и благодарное чувство.

II

Я работал тогда над большой картиной и любил эту картину. Но с ней я никогда не говорил о моей картине, как вообще не говорил о своей жизни. В моей жизни было много веселого, скучного, тяжелого и отрадного, больше же всего мелкого, обыкновенно неинтересного: я ел, пил, спал, заботился о костюмах и работал, у меня были товарищи, с которыми мне было свободно и просто, и все это было обыкновенно и понятно.

А она была такая красивая, тревожная и таинственная, и мне нужна была такую красивую и таинственной, не похожей на все другое: она должна была дать мне то, чего я не мог найти во всей остальной жизни.

И в моей жизни, как день и ночь, стало два мира, и хотя оба они давали полную жизнь, но не сливались вместе.

III

Обвенчались мы в маленькой и темной дачной церкви, только при самых необходимых свидетелях. Я не думал о браке, и она не настаивала на нем, но об этом хлопотали другие люди, и мы не противились, потому что нам казалось, будто так и должно быть. Только накануне свадьбы мне было тяжело, страшно, душно.

В церкви было темно и гулко. Поп и дьячок читали и пели что-то неразборчивое и незнакомое мне. Было любопытно и немного стыдно: было странно и неловко сознавать, что все это совершенно серьезно, важно и действительно навсегда должно изменить мою жизнь, таинственно, как смерть и жизнь. Когда я старался внушить себе это, я невольно улыбался и боялся обидеть всех этой улыбкой. Жена, как всегда красивая, стройная и нежная, стояла рядом, и вместо обычного, простого и пестрого костюма на ней было серое, твердое и длинное платье. Она казалась мне такую красивую, таинственно и приятно близкою, но где-то внутри меня было что-то странное, недоумевающее и враждебное. Когда мы целовались при всех, мне было только неловко, и я чувствовал с холодным любопытством, что губы у нее горячие и мягкие.

Потом мы все вместе шли пешком по бестолково шумной улице. Браг, которого мне было неудобно и неприятно целовать при поздравлении, предложил выпить чаю в ресторане, и все согласилось не с удовольствием, а так, как будто этого только и недоставало. Мы с женой шли впереди под руку, и нам было стыдно и приятно идти рядом, прижимаясь друг к другу при других.

Пока мы шли, под серым твердым платьем я локтем чувствовал знакомое сладострастно-мягкое и теплое тело, теплевшее под натянутой холодной материей, и все повторял, напрасно стараясь сосредоточиться: «А ведь это так и есть теперь: она моя жена... жена... жена».

Я старался произносить это слово на все лады, отыскивая тот тон, в котором оно прозвучит как великий и таинственный символ. Но слово звучало, как и всякое слово, пусто и легко.

В гостинице мы взяли отдельный кабинет, пили невкусный чай и ели какие-то конфеты. Говорить было не о чем, и все казалось странным, что ничего особенного не происходит вокруг, когда в нашей жизни произошло то, чего никогда не было.

Потом мы ехали в почти пустом вагоне дачного поезда и под грохот колес спорили о какой-то пословице, которая казалась мне ужасно глупой, а брату ее и студенту-шаферу – умной и меткой.

Жена слушала и молчала, а глаза у нее сильно блеснули в полусумраке. Мне показалось, что я и студент вовсе не спорим о том, что нас интересует, а состязаемся в остроумии перед нею, и я ясно видел, что то же думает и она и что ей это приятно. Мне было обидно и странно, что и теперь она может относиться равно к нам обоим. Потом она встала и вышла на площадку, а мне хотелось пойти за нею, но почему-то я не пошел. Кажется, потому, что все ожидали, что я встану и пойду, и потому, что так и было «нужно».

На даче опять думали пить чай, но вместо этого другой студент, веселый и простой малый, достал водки. Я тогда пил мало и не любил пить, но очень обрадовался водке, смеялся, пил, закусывал селедкой, неприятной на вкус. С женой мне было неловко говорить, и она села далеко. Я изредка незаметно взглядывал на нее, и мне казалось в ту минуту странным, что она может так спокойно и самоуверенно сидеть и смотреть на всех при мне, что ей не стыдно того, что было в роще. Еще мне казалось, что студент ненавидит меня за нее, и я чувствовал себя тревожно, как между врагами, которых надо бояться и ненавидеть. Когда студент заговорил почему-то о фехтовании, я сказал, что недурно фехтую. Другой студент, смеясь, принес нам две жестяные детские сабельки и предложил попробовать:

– А ну... отхватите друг другу носы!

Мы стали между столом и диваном, в узком неудобном месте, и скрестили свои сабельки, слабо и тревожно бренчавшие. Жена встала, чтобы дать нам место, и я опять увидел в ее глазах сладострастное любопытство. И вдруг меня охватила страстная, неодолимая злоба и ненависть к студенту, и по его быстро побледневшему лицу я понял, что и он ненавидит и боится меня. Должно быть, все почувствовали это, потому что жена брата встала и отняла у нас сабельки.

– Еще глаза друг другу повыкальваете, – сказала она и бросила сабельки за шкаф.

Брат странно хихикал, студент молчал, а у жены было самодовольное и лживое выражение лица.

Ночью жена ушла к себе в комнату, а мы, я и два студента, улеглись в той же комнате на полу.

В темноте мне опять пришло в голову: почему жене не было стыдно того, что происходило между нами в роще? Почему же это было тайной?.. Или вообще это вовсе не стыдно, а хорошо, или она – бесстыдная, наглая и развратная? Если это хорошо, то зачем все прячутся с этим и зачем мы повенчались; а если дурно, значит, она – развратная, падшая, и зачем тогда я женился на ней? Почему я думаю, что она не будет теперь, тайно от меня, как прежде от всех, отдаваться другим, как отдавалась мне?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.